

мен», детство предстает не только возрастным периодом или психологическим состоянием, это, скорее, образ жизни, образ мыслей, мировоззрение. Детская точка зрения, наконец, может рассматриваться как позиция, обладающая познавательной ценностью, позволяющая раскрыть сущность вещи. В опубликованных теперь записных книжках Платонова есть заметки, указывающие на суть его рассказов о детстве: «Важно и истинно – видеть во взрослых лишь их действительно детские черты. Взрослый – это лишь изуродованный ребёнок, и от этого уродства он частично излечивается в старости. Большие только предтечи, дети – спасители Вселенной» [1, с. 328].

И нельзя не согласиться с подтверждающимся наблюдением психолога В. В. Зеньковского, что ребенок не только не стоит ниже нас, но, согласно учению Христа, мы не можем достигнуть идеала, если не станем как дети. На этом основании В.В. Зеньковский делает вывод, «что детская духовная жизнь, духовная организация, как тип, ближе стоит к идеалу, чем наша» [6, с. 158].

Таким образом, Платонову удалось раскрыть философский смысл концепта «Детство» и его различные социальные потенции. Он действует на воображение читателя образами, исключив всякую дидактику и нравоучения. В обыденном и повседневном он умеет видеть глубокий смысл, извлекать общезначимое. Тем самым ему удалось создать картину мира, где описываемые явления разворачиваются не столько в плане линейного времени, сколько в плане вечности, ее непреходящих духовных законов, которые в начале жизни даются каждому человеку как благодать и затем «заново обретаются ценой тяжелых мытарств». Понимание основных вещей: дом, семья и дети – должно быть у каждого человека.

Список использованных источников

1. Платонов, А. Записные книжки. Материалы к биографии / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. – 424 с.
2. Шубин, Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования / Л. А. Шубин. – М. : Советский писатель, 1987. – 368 с.
3. Семенова, С. Г. Метафизика русской литературы / С. Г. Семенова. – М. : Издательский дом «ПоРог», 2004. – Т. 2. – 512 с.
4. Сипинёв, Ю. А. Русская культура и словесность / Ю. А. Сипинёв, И. А. Сипинёва. – СПб. : Специальная литература, 1994. – 77 с.
5. Платонов, А. «Никита» // У человеческого сердца. Рассказы / А. Платонов. – М. : Детская литература, 1981. – 334 с.
6. Зеньковский, В. В. Психология детства / В. В. Зеньковский. – Екатеринбург : Деловая книга, 1995. – 348 с.

The crisis in the field of the spiritual development of society, the search for a way out of it lead to the need to comprehend the social and aesthetic significance of literature. Children's literature, being an integral part of general literature, is a special layer of it. The artistic dominant of Platonov's children's stories is determined by the author's interest in the problem of childhood, in the life of a child in adult society.

Keywords: concept, author, reader-child, childhood concept.

УДК 811.161.1'42: 821.161.1-1* Саша Черный

Т. А. Осипова

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА САШИ ЧЕРНОГО

В данной статье рассматриваются особенности вербализации концепта «Смерть» в поэзии Саши Черного через ядерную лексику и ее синонимы. Внимание уделяется и общезыковому,

и особенно индивидуально-авторским реализациям указанного концепта. Исследование проводится в рамках когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт «Смерть», поэтическая картина мира, вербализация (языковое выражение, объективация, репрезентация) концептов.

Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг) – известный русский поэт-сатирик Серебряного века, прозаик, журналист и публицист. Его стихам присущи философские мотивы, в том числе и тема смерти.

В настоящей статье мы рассмотрим особенности языкового выражения концепта «Смерть» в поэзии Саши Черного через ключевые лексемы *смерть*, *кончина*, *гибель* (на материале Национального корпуса русского языка [1]).

Концепт «Смерть» весьма важен для поэтической картины мира Саши Черного. Об этом можно судить по довольно большому количеству словоупотреблений ядерной лексемы *смерть* (26 единиц). Отмечены также 4 контекста с существительным *кончина* и 2 употребления слова *гибель*.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводит следующие определения значений слов *смерть*, *кончина*, *гибель*: *Смерть*, -и, мн. -и, -ей, ж. 1. 'Прекращение жизнедеятельности организма. 2. перен. Конец, полное прекращение какой-н. деятельности. *До смерти* (разг.) – очень, крайне'; *Кончина*, -ы, ж. (высок.) 'То же, что *смерть* (в 1 знач.)'; *Гибель*, -и, ж. 'Уничтожение, разрушение, смерть (от катастрофы, стихийного бедствия, насилия)' [2].

В поэзии Саши Черного концепт «Смерть» имеет реализации, присущие национальному русскому сознанию. Слово *смерть* употребляется в общеязыковом значении 'прекращение жизнедеятельности организма':

О Господи, ужель и после смерти

В разноголосом пробуждусь концерте? (Из зеленой тетрадки);

Мне скучно взрослым бать

Всю жизнь – до самой смерти (Настроение).

В этом же значении употребляется слово *кончина*, которое имеет в словаре помету «высокое»:

«Сел на трубу, заснул и угорел».

Такой кончиной мальчик был доволен (Дом в Монморанси);

Философы грозят кончиной света,

А жители танцуют всласть фокстрот (Политический сонет).

Употребление стилистически окрашенной лексемы *кончина* вместо нейтрального существительного *смерть* обусловлено тематикой произведений. Стихотворение «Дом в Монморанси» посвящено русскому детскому приюту во Франции. Во втором контексте слово *кончина* логично сочетается с существительным *философы*.

Синоним *гибель* имеет отличие в значении – 'смерть от катастрофы, стихийного бедствия, насилия'. Общеязыковое значение этого слова реализуется в следующем контексте:

Иль спас раджу от гибели

Во время наводнения? (Кому в эмиграции жить хорошо).

Слово *гибель* включено также в текст сатирического стихотворения ««Пьяный» вопрос»:

Дума сделала находку:

Водка – гибель, водка – яд («Пьяный» вопрос).

Автор включает в тексты разговорное устойчивое выражение *до смерти* 'очень, крайне':

Вот только жалко до смерти

Мне расставаться с Гришкою, –

Привык я к лопухому,

Как к собственной душе... (Кому в эмиграции жить хорошо);

*Ведь в жизни нам до смерти надоело
Их чинную бесцветность созерцать!* (Профан).

Для абстрактных концептов в художественных текстах характерны опредмечивание и олицетворение. В поэзии Саши Черного реализуется концептуальная метафора «смерть – человек (личность)».

Смерть часто выступает как живое существо, человек, личность, которой доступны эмоции и их выражение – смех, испуг:

*Сердце падает и пухнет,
Алый шмель гудит в висках.
Смерть, смеясь, к стеклу прильнула.
Эй, держи себя в руках!* (В штабе ночью);

*За сумасшедшей, нищею старухой,
Похожей на испуганную смерть,
Гурьбой бежали дети и визжали,
Луны ее рябиной по плечам* («Осенний день. Ленивый веер солнца...»).

Смерть как живое существо (личность) может совершать различные действия и обладает речью:

*В ответ, наклонившись к нему,
Смерть, смеясь, на глаза положила костяшки
И шепнула: «Довольно! (Дом Гёте);*

*Месяц хлынул в переулок...
Смерть берет к губам свирель.
За углом, угрюмо-гулок,
Чей-то шаг гранит панель* (У канала ночью);

*Но солнце, по счастью, залазит
Под вечер в какой-то овраг
И кровью исходит в экстазе,
Как смерти сдающийся враг* («Степное башкирское солнце...»).

Смерть имеет во владении замок:
*Пусть снова встанут
Миражи счастья с красивой тоскою,
Пусть нас обманут,
Что в замке смерти живет красота* (Театр).

Смерть ходит по улицам:
*По улицам шляется смерть. Проклинает
Безрадостный город и жизнь без надежд,
С презреньем, зевая, на землю толкает
Несчастных, случайных невежд* (Опять...).

В следующем четверостишии из стихотворения «Опять» духовная смерть противопоставляется физической (контекст выше), но она тоже выполняет определенные действия, обладает физическими признаками:

*А рядом духовная смерть свирепеет
И сослепу косит, пьяна и сильна* (Опять...).

Как видно из приведенного контекста, смерть наделяется признаками, которые связаны с ее устрашающим характером: *слепая, пьяная, сильная*.

По мнению Н. А. Тиботкиной, мотивная структура стихотворений Саши Черного амбивалентна, и один из ее компонентов – «безразличие, безрадостность, скука как внутреннее состояние человека и “духовная смерть”» [3]. Такое восприятие окружающего мира связано

с городским локусом: «Это пространство гибели и смерти, довлеющее над человеком, определяющее его жизнь и судьбу, уничтожающее любое проявление духовной сущности» [3].

Смерть также вербализуется как некий неодушевленный предмет, объект для манипуляций, как орудие действия:

*Без слов Христа, поэта из поэтов,
Без слез Бетховена, без Фидиевых грез
Одни холмы бесчисленных скелетов
Сковал бы **смертью** мировой мороз (Искусство).*

Концепт «Смерть» репрезентируется также как вещество, которому присущ цвет (эпитет *черный*). Интересно, что жизнь воспринимается тоже как черная, противопоставляется смерти только интенсивностью признака:

*Пусть **жизнь** черна, как кокс,
Но **смерть** еще **чернее!** (Настроение).*

В поэзии Саши Черного, как и вообще в русском языке, слово *смерть* часто употребляется в сочетании с антонимом *жизнь*. Приведем еще контекст:

***Жизнь и смерть** его для нас, как рана,
Но душа спокойна за него:
Слава Богу! (Пушкин).*

Смерть объективируется также как слово:

*И лихачи, искрясь дождем улыбок
И не жалея ловких рук и ног,
В предсмертных письмах ищут лишь ошибок:
Там **смерть** **чрез ять**, – а там – комичен слог (Дежурное блюдо).*

Смерть воспринимается автором и репрезентируется в стихах как состояние природы, стихия, синоним холода:

***Смерть** и холод! Хорошо бы
С диким визгом взвиться ввысь
И упасть стремглав в сугробы,
Как подстреленная рысь... (Нирвана).*

Как пишет О. И. Рыбальченко, «вся палитра оценочных средств широко представлена в поэтических текстах Саши Черного. Наиболее активно используются поэтом оценки-метафоры» [4]. Поэзия Саши Черного богата не только метафорами и эпитетами, но и сравнениями. Сравнения, включающие существительное *смерть*, носят индивидуально-авторский характер и отличаются присущим стихам автора юмором:

*Сам Мережковский учит нас,
Что **смерть** страшна, как **папуас** (На петербургской даче).*

В данном случае смерть выступает как объект сравнения. В следующем контексте смерть предстает как субъект сравнения. Это сравнение пафосное, но тоже юмористическое:

*Три курсистки сидели над Саниным,
И одна – сухая, как жердь,
Простонала с лицом затуманенным:
«Этот Санин **прекрасен, как смерть**...» (Диспут).*

Таким образом, концепт «Смерть» в поэтическом языке Саши Черного находит как общеязыковое, так и индивидуально-авторское выражение. Были выявлены авторские концептуальные метафоры «смерть-личность», «смерть-неодушевленный предмет» и другие.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 05.09.2019.

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <http://ozhegov.info/slovar/?q=> – Дата доступа : 06.09.2019.

3. Тиботкина, Н. А. Мотивная структура лирики Саши Черного / Н. А. Тиботкина. – Тверь, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://university.tversu.ru/aspirants/abstracts/docsNew/212.263.06/10.01.01/27-12-2010-2.doc>. – Дата доступа : 07.10.2019.

4. Рыбальченко, О. И. Лексико-стилистические средства выражения оценки в идиостиле Саши Черного (Александра Гликберга) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. И. Рыбальченко. – Мичуринск, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/leksiko-stilisticheskie-sredstva-vyrazheniya-otsenki-v-idiostile-sashi-chernogo-aleksandra-g>. – Дата доступа : 07.10.2019.

This article discusses the peculiarities of the verbalization of the concept of "Death" in Sasha Chernoy's poetry through the nuclear lexeme and its synonyms. Attention is paid to common language, and especially the individual author's implementations of this concept. The study is conducted in the framework of cognitive linguistics.

Keywords: cognitive linguistics, concept «Death», poetic worldview, verbalization (linguistic expression, objectification, representation) of concepts.

УДК 821.161.1-31*Л. Н. Толстой:811.161.1'373.234

С. В. Рудакова

КОНЦЕПТ «НАРОД» В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Основное внимание в статье уделяется раскрытию особенностей текстовой реализации в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» концепта «Народ», являющегося одним из центральных в произведении. Проанализированы основные лексические единицы, связанные с объективацией народного образа. Предложена модель концепта «Народ», реализованного в романе Толстого.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Война и мир», концепт, народ, репрезентация, имена собственные, номинации.

В современной науке наибольшее распространение получили два подхода к трактовке концепта: когнитивный и культурологический, но при всем очевидных различиях они не являются взаимоисключающими. Главное, что их отличает, – вектор взаимодействия с индивидуом: (лингво)когнитивный концепт определяет движение мысли от индивидуального сознания к культуре, а (лингво)культурологический концепт, напротив, характеризуется движением от культуры к индивидуальному сознанию. Когнитивный подход в исследовании концепта выбирают такие ученые, например, как Н. Ф. Алефиренко [1], Н. Д. Арутюнова [2], Т. В. Булыгина [3], А. Д. Шмелев [4]. Лингвокультурологическое понимание концепта нашло отражение в работах С. Г. Воркачёва [5], В. И. Карасика [6], В. В. Колесова [7], С. В. Рудаковой [8], Ю. С. Степанова [9], В. В. Цуркан [10] и др.

Одно из определяющих с (лингво)культурологических позиций определение концепта было предложено Ю. С. Степановым в его книге «Константы. Словарь русской культуры»: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [9, с. 40].

Обращение к исследованию концепта «Народ» в романе-эпопее Л. Н. Толстого неслучайно. Обусловлено оно желанием на лингвистическом уровне доказать: утверждение Толстого, что важнейшая тема его произведения – это «мысль народная», определяет не только идейное, образное, но и языковое своеобразие романа.